

Мы покоряем вовсе не горную вершину,
а самих себя.

Сэр Эдмунд Хиллари

Пролог

Август 1913 года. Тибет

Интересно, неужели все английские девицы занимаются любовью, как мужчины? Или только эта?

Такой вопрос задавал себе немецкий альпинист Макс фон Брандт, в темноте и поглаживая волосы молодой женщины, лежащей рядом. В его жизни было много женщин. Нежных, податливых. Потом они цеплялись за него, выклянчивая ласковые слова и обещания. Эта женщина отнюдь не была нежной. Да и сама их близость не отличалась нежностью. Все произошло быстро, жестко и без прелюдий. Затем женщина отвернулась, свернулась калачиком и вскоре уснула.

— Вряд ли любые мои слова заставят тебя остаться, — сказал Макс прежде, чем она погрузилась в сон.

— Да, Макс. Не заставят.

Он лежал на спине, смотрел в темноту и слушал, как дыхание женщины замедляется и становится глубже. Ему не спалось. Да он и не хотел спать. Ему хотелось растянуть эту ночь подольше, запомнить навсегда. Запомнить ощущение этой женщины, ее запах, шум ветра и пронизывающий холод.

Около месяца назад он признался ей в любви, и это не было пустыми словами. Впервые в жизни он полюбил. Женщина засмеялась. Потом, видя, что смех задел его, поцеловала Макса и покачала головой. Этот жест означал «нет».

Ночь пролетела быстро. Женщина поднялась еще до восхода. Пока Макс смотрел в сумеречное пространство, она оделась и тихо выскользнула из палатки.

Просыпаясь, Макс никогда не находил ее рядом. Она всегда покидала палатку, пещеру или любое иное их временное пристанище еще до рассвета. Поначалу он искал ее и всегда находил сидящей на высоком, уединенном месте, окруженном ти-

шиной. И всегда ее лицо было устремлено к предрассветному небу и гаснущим звездам.

— Что ты высматриваешь? — спрашивал Макс и тоже поднимал глаза к небу.

— Орион, — неизменно отвечала она.

Через несколько часов она уйдет. Потом он без конца будет думать об их первом дне, проведенном вместе, потому что это единственные воспоминания, которые у него останутся.

Они встретились около четырех месяцев назад. До этого Макс пять месяцев путешествовал по Азии. Известный альпинист фон Брандт решил повидать Гималаи и проверить возможность восхождения на Эверест. Ему хотелось покорить высочайшую вершину мира во славу Германии — его отечества. Кайзер требовал побед, и уж лучше победа над прекрасной азиатской горой, чем участие в отвратительной европейской войне. Из Берлина Макс отправился в Индию, проехал всю страну, после чего незаметно проник в Непал — государство, закрытое для людей Запада.

Максу удалось беспрепятственно добраться до Катманду, где его задержали непальские власти и потребовали покинуть страну. Макс пообещал это сделать, но сказал, что нуждается в проводнике, который сопроводит бы его через горные долины Солу-Кхумбу и далее, через перевал Нангпа-Ла, в Тибет. Оказавшись там, Макс рассчитывал исследовать северное подножие Эвереста. Далее его путь лежал в Лхасу — Город Бога. Макс надеялся, что далай-лама позволит ему совершить восхождение. Он слышал о местечке Ронгбук и мечтал туда попасть. А еще он слышал о западной женщине, способной ему в этом помочь. Он поинтересовался у властей, известна ли им эта женщина.

Оказалось, что да, хотя вот уже несколько месяцев она не появлялась в поле зрения властей. Макс одарил непальских чиновников рубинами и сапфирами, купленными в Джайпуре, а также жемчугом и крупным изумрудом. За это чиновники разрешили ему в течение месяца дожидаться появления упомянутой женщины.

Впервые Макс услышал о ней в Бомбее. Западные альпинисты, встретившиеся ему там, рассказали об английской девушке, живущей в тени Гималаев. Несколько лет назад она совер-

шила восхождение на одну из вершин Килиманджаро — пик Мавензи. Восхождение закончилось трагически. Застигнутая камнепадом, альпинистка едва не погибла, серьезно повредив ногу. Нынче она занималась фотографированием и картированием Гималаев. Она поднималась на максимально доступную ей высоту, хотя подъемы высшей категории сложности оставались недостижимой мечтой. Англичанка жила среди горных племен, не уступая им в силе, за что снискала их симпатии и уважение. Ей удавалось почти невозможное для европейцев: она свободно пересекала границы, в одинаковой степени пользуясь гостеприимством непальцев и тибетцев.

Но как ее найти? Слухов об этой англичанке было предостаточно. Одни утверждали, что она путешествовала по Китаю и Индии, но сейчас находится в Тибете. В Бирме, утверждали другие. Нет, в Афганистане. Кто-то говорил, что она занимается топографическими изысканиями по заданию англичан. Шпионит в пользу французов. Иные считали ее погибшей в снежной лавине. Говорили, будто она полностью переняла местные обычаи и вышла замуж за непальца. Она торговала лошадьми. Нет, яками. Какие там яки? Золотом она торговала. Чем дальше на северо-восток Индии, тем разнообразнее и диковиннее становились слухи. Макс слышал об этой англичанке в Агре и Канпуре. И наконец сумел найти ее в Катманду. По крайней мере, нашел хижину, где она появлялась.

— Она сейчас в горах, — сказал Макс кто-то из местных жителей. — Но вернется.

— Когда?

— Скоро. Скоро.

Потянулись дни. Прошли недели. Потом месяц. Непальские власти теряли терпение и требовали от Макса уехать. Он снова и снова спрашивал у местных жителей, когда же появится эта англичанка, и получал неизменный ответ: скоро. Макс считал такие ответы уловкой местного крестьянина, у которого остановился. Попыткой вытягивать деньги из белого человека.

Но англичанка все-таки вернулась. Поначалу Макс принял ее за непалку. На ней были шаровары цвета индиго и длинный овечий тулуп. На остром лице выделялись пронизательные зеленые глаза, глядевшие на Макса из-под отороченной мехом шапки. На шее англичанки висели бирюзовые бусы, в ушах

покачивались бирюзовые серьги. Волосы она заплетала в длинную косу, украшенную кусочками серебра и стекла, как делали местные женщины. Ее лицо было бронзовым от загара, а тело — жилистым и сильным. Она ходила прихрамывая. Позже Макс узнал, что у нее протез, сделанный из кости яка местным умельцем.

Крестьянин, у которого жил Макс, рассказал, что хочет этот белый.

— Намасте, — произнесла англичанка, слегка поклонившись.

Это слово было непальским приветствием, означавшим: «Свет внутри меня кланяется свету внутри тебя».

Макс спросил, не согласится ли она быть его проводницей в Тибет. Англичанка ответила, что вернулась из Шигадзе и устала. Вначале она выпится, затем поест, после чего у них состоится разговор.

На следующий день она угостила Макса приправленной карри бараниной, рисом и крепким черным чаем. Стульев в хижине не было. Хозяйка и гость сидели на полу, устланном ковром, и говорили, передавая друг другу трубку опиума. Англичанка пояснила, что опиум притупляет боль. Поначалу Макс подумал, будто речь идет об увечной ноге, но по мере разговора сообразил: ее боль залегала значительно глубже и почти не поддавалась воздействию опиума. Непонятная грусть окутывала эту женщину, словно длинное черное покрывало.

Макса изумило ее обширное и в то же время глубокое знание Гималаев. Столько, сколько сделала она для обследования участков горной цепи, нанесения их на карту и фотографирования, не сделал ни один европеец. На жизнь англичанка зарабатывала написанием статей по топографии гор, публикуемых Королевским географическим обществом Британии, а также выполняя роль проводника. Вскоре КГО должно было выпустить альбом ее гималайских фотографий. Часть их Макс уже видел. Снимки были на редкость выразительными. Ей, как никому другому, удалось запечатлеть суровое величие гор, их красоту и холодное безразличие. Сама она еще ни разу не выступала в Королевском географическом обществе, поскольку не хотела покидать любимые горы. Свои работы она посылала сэру Клементсу Маркему, президенту КГО.

Макса восхитили не только ее фотографии, но и точность составленных ею карт. Она была моложе его — всего двадцать девять лет, а уже успела столько сделать. От его похвал она отмахнулась, сказав, что надо бы сделать гораздо больше, но забираться слишком высоко она не может из-за ноги.

— Но тебе и для этих работ пришлось подниматься достаточно высоко, — сказал Макс.

— Не так уж высоко. И еще — избегать рискованных мест. Никаких ледников, скал и расщелин.

— Однако ты все равно рискуешь, — заметил ей Макс. — Как ты вообще поднимаешься в горы без... я хотел сказать, не имея двух полноценных ног.

— Я поднимаюсь туда не ногами, а сердцем, — ответила англичанка. — Ты так можешь?

Макс доказал ей, что тоже способен подниматься, испытывая любовь, уважение и даже благоговение перед горами. Тогда она согласилась сопровождать его в Лхасу. Они выехали из Катманду, погрузив на двух яков припасы, снаряжение и палатку. Их путь лежал через горные деревушки, долины и перевалы, известные только ей и горстке шерпов. Дорога была тяжелой, утомительной и невыразимо красивой. Пронизывающий холод не отступал даже днем, на ярком солнце. Ночью они спали рядом, накрывшись несколькими шкурами. На третью ночь пути Макс признался ей в любви. Она засмеялась, что заставило уязвленного Макса отвернуться. Признание было искренним, и отказ больно ударил его по самолюбию.

— Извини, — сказала она, касаясь его спины. — Извини. Не могу...

Он спросил, может, причина в том, что у нее кто-то есть. Она ответила «да», потом обняла Макса, подарив тепло, наслаждение, но не любовь. Первый раз в жизни его сердце было разбито.

Через три недели они достигли Ронгбука — тибетского селения, продуваемого всеми ветрами. Здесь она жила. Максусу пришлось ждать, пока эта удивительная женщина, известная и обладавшая широкими знакомствами, употребит свое влияние и добудет у тибетских чиновников документы, позволяющие Максусу въезд в Лхасу. Все это время Макс жил в ее каменном домике с белеными стенами. К домику примыкала другая постройка, где она держала яков.

В течение всего их путешествия она неумоимо делала снимки. Однажды Макс наблюдал за тем, как она пыталась подняться на ледник. Думая, что он ее не видит, она приблизилась к леднику с фотоаппаратом на спине. Даже на самодельном протезе она неплохо двигалась. И вдруг она остановилась и замерла на целых десять минут. Макс видел, как она борется с собой.

— Будь ты проклят! — вдруг закричала она. — Проклят! Проклят!

Макс боялся, что от ее крика может начаться снежная лавина. Кого же она проклинала? Гору? Себя? Тогда кого?

Наконец разрешение было получено. На следующий же день они покинули Ронгбук с палаткой и пятью яками. Вчера они достигли предместий Лхасы. Вчерашний день был последним днем, проведенным вместе, а минувшая ночь — последней ночью. Через несколько часов Макс один отправится в священный город. Он планировал провести там несколько месяцев, изучая Лхасу, фотографируя город и жителей, одновременно хлопоча об аудиенции у далай-ламы. Макс знал: его шансы невелики. Из европейцев далай-лама терпимо относился только к этой женщине. Когда они встречались, то вместе выпивали, пели тибетские песни и обменивались скабрзными историями. Однако на сей раз англичанка не собиралась в Лхасу. Ей хотелось вернуться в Ронгбук.

Суждено ли им увидеться снова? Макс подумал об этом, встав в сумерках холодного тибетского утра. Он быстро оделся, быстро собрал рюкзак, застегнул куртку и вышел из палатки. Четыре яка, предназначенных в подарок губернатору Лхасы, фыркали и били копытами. Из их ноздрей валил густой белый пар. А женщина словно исчезла.

Макс огляделся по сторонам и наконец заметил ее сидящей на большой выступающей скале. Ее силуэт выделялся на фоне серого светлеющего неба. Она сидела неподвижно, подтянув одно колено к груди и запрокинув голову к тускнеющим звездам. Максу пора было трогаться в путь. Облик этой удивительной женщины навсегда запечатлелся в его памяти.

— Намасте, Уилла Олден, — прошептал он, поднося сомкнутые ладони ко лбу. — Намасте.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Март 1914 года

Лондон

Глава 1

— Тетя Эдди, остановись! Туда нельзя!

Шеймус Финнеган, лежащий на кровати голышом, открыл один глаз. Голос принадлежал его лучшему другу Альби Олдену.

— Что за черт? Почему нельзя?

— Потому что он спит! Нельзя врываться к спящему человеку. Это непорядочно!

— Не пори чепуху!

Второй голос был тоже знаком Шейми. Он сел и почти до подбородка натянул одеяло.

— Альби! Сделай что-нибудь! — закричал Шейми.

— Старик, я пытался. Теперь отдувайся сам! — прокричал в ответ Альби.

Еще через секунду дверь распахнулась. В комнату заглянула невысокая плотная женщина в твидовом костюме. Она шумно поздоровалась с Шейми. Это была Эдвина Хедли, тетя Альби. Шейми тоже звал ее тетей Эдди, поскольку знал с детства. Войдя в комнату, тетя Эдди присела на кровать и тут же вскочила, поскольку кровать странно пискнула. Вскоре из-под одеяла появилась взлохмаченная голова зевающей девицы.

— Дорогая, я искренне надеюсь, что вы приняли все меры предосторожности, — нахмурившись, сказала Эдди девице. — В противном случае в вашем животе заведется ребенок, отец которого в это время будет плыть к Северному полюсу.

— Я думала — к Южному, — зевая, ответила девица.

— Южный уже был, — пояснил Шейми.

— Он рассказал вам обо всех детях? — заговорщическим тоном спросила у девицы Эдди.

— Тетя Эдди, не надо... — попытался возразить Шейми.

— О детях? Каких детях? — поинтересовалась девица, с которой мгновенно сдуло сонливость.

— А вы не знали, что у него четверо детей? И все незаконные. Конечно, Шейми не вконец утратил порядочность. Он посылает их матерям деньги, но жениться ни на одной не собирается. Разумеется, репутация всех четверых разрушена. Кстати, все они уроженки Лондона. Трое, не выдержав позора, уехали в провинцию. Четвертая, бедняжка, — в Америку. Думаете, вся эта история с леди Кэролайн Уэйнрайт просто так закончилась скандалом?

Симпатичная брюнетка с короткой стрижкой повернулась к Шейми.

— Это правда? — негодующим тоном спросила она.

— Чистейшая, — ответила Эдди, не дав Шейми открыть рта.

Завернувшись в одеяло, девушка выбралась из постели, подобрала с пола одежду и выскочила из комнаты, сердито хлопнув дверью.

— Тетя Эдди, откуда четверо детей? — спросил Шейми, когда они остались вдвоем. — В прошлый раз было двое.

— Эту авантюристку надо было припугнуть, — усмехнулась Эдди. — Сегодня я тебя спасла, но учти: в подобных случаях меня может и не оказаться рядом.

— Очень жаль, — вздохнул Шейми.

Эдди наклонилась к нему и поцеловала в щеку:

— Рада тебя видеть.

— Взаимно. Как вам понравился Алеппо?

— Сплошное восхищение! Я жила во дворце. Обедала с пашой. Познакомилась с необычайно интересными людьми. Один из них — некто Том Лоуренс. Мы вместе вернулись в Лондон. Он остановился в Белгравии и...

По дому разнесся громкий звук хлопнувшей тяжелой входной двери.

— Ну, с этой пташкой покончено, — улыбнулась Эдди. — Больше ты ее не увидишь. А ты, смотрю, стал мартовским котом.

— Я больше похож на бродячего пса, — с грустью признался Шейми.

— Слышала я про леди Кэролайн. Весь Лондон говорит об этом.

— Я так и понял.

Шейми приехал в Хайгейт, красивый особняк Эдди, выстроенный в георгианском стиле, в Кембридже, чтобы восстановить душевное равновесие после короткого головокружительного романа, закончившегося крупной ссорой. Леди Кэролайн Уэйнрайт, девушка из высшего общества, богатая, красивая, избалованная, привыкла получать желаемое. На этот раз предметом ее желаний стал Шейми, которого она хотела видеть своим мужем. Шейми объяснил ей, что ее затея не удастся. Он материал непригодный для супружеской жизни. Слишком независим, слишком привык жить по-своему. К тому же он постоянно путешествует. Шейми рассказывал ей все ужасы о себе, какие мог придумать, за исключением правды.

— У тебя просто кто-то есть. Я угадала? — всхлипывая, спросила Кэролайн. — Кто она? Назови ее имя.

— Нет у меня никого, — ответил Шейми.

Это была, конечно, ложь. У него была другая. Давняя, потерянная любовь. Та, что сломала его, лишив возможности полюбить кого-нибудь еще.

Порвав с Кэролайн, Шейми, поджав хвост, сбежал в Кембридж — отсиживаться в доме друга. Своего жилья у него не было и потому, возвращаясь в Англию, он курсировал между Хайгейтом Эдвины, домом сестры и различными отелями.

У тетки жил и Альби Олден, блестящий физик, преподаватель Королевского колледжа. Альби постоянно предлагали завидные должности в университетах Парижа, Вены, Берлина, Нью-Йорка, но он предпочитал оставаться в Кембридже. В скучном, сонном Кембридже. Почему — одному Богу известно. Во всяком случае, Шейми причин не знал. Он неоднократно допытывался у Альби, и тот неизменно отвечал: «Для меня это лучшее место». Тихое, спокойное, по крайней мере, когда Эдди куда-то уезжала. Идеальное место для работы. А поскольку Эдди бывала здесь лишь наездами, ей требовался кто-то, присматривающий за домом. Такое положение вещей устраивало и тетку, и племянника.

— Так что у вас произошло? — полюбопытствовала Эдди. — Леди Кэролайн разбила тебе сердце? Отказалась выйти за тебя замуж?

— То-то и оно, что она очень хотела выйти за меня.

— Хм... Тогда чего ты ждешь? Так и бывает, если мужчина — смелый, обаятельный герой. Женщинам хочется запустить в тебя коготки.

— Отвернитесь, пожалуйста. Мне нужно одеться, — попросил Шейми.

Эдди отвернулась. Шейми вылез из кровати и подобрал с пола свою одежду. Шейми был высоким, сильным и отлично сложенным. Мускулы так и играли у него под кожей, когда он нагибался за брюками и натягивал рубашку. Его вьющиеся волосы, коротко подстриженные с боков, но оставленные длинными на макушке, были темно-рыжего цвета с вкраплением медных оттенков. Солнце и моря обветрили лицо, но взгляд его ярко-синих глаз был по-детски искренним.

Шейми исполнился тридцать один год. К этому возрасту он стал одним из известнейших полярных исследователей. Еще подростком он участвовал в экспедиции к Южному полюсу, возглавляемой Эрнестом Шеклтоном. По ряду причин та экспедиция не дошла до полюса. Два года назад Шейми вернулся из другой экспедиции. Вместе с норвежцем Руалем Амундсеном он достиг Южного полюса. Молодого полярного героя наперебой приглашали к себе города и страны. Вскоре после возвращения из Антарктики Шейми отправился в лекционное турне, растянувшееся почти на два года. В Лондон он вернулся всего месяц назад. Сам город и люди показались ему скучными и серыми. Шейми не сиделось в четырех стенах. Он испытывал беспокойство и не мог дожидаться, когда судьба подбросит ему новую экспедицию.

— И давно ты в наших краях? Как тебе Лондон после долгого отсутствия? Может, на этот раз ты подольше погостишь на родине? — спрашивала Эдди.

Шейми засмеялся. Эдди была в своем репертуаре: задав вопрос и не дождавшись ответа, задавала еще десять.

— Не уверен, — ответил Шейми, причесываясь перед зеркалом, висевшим над комодом. — Возможно, скоро опять уеду.

— Еще одно лекционное турне?

— Нет. Экспедиция.

— Серьезно? Надо же! И куда?

— Снова в Антарктику. Шеклтон пытается собрать команду. У него вполне серьезные намерения. В прошлом году он писал в «Таймс», что разработал очень подробный план экспедиции. Осталось всего-навсего раздобыть денег.

— А как же все эти разговоры о войне? Она его не волнует? — спросила Эдди. — На пароходе об этом только и говорили. И в Алеппо тоже.

— Его это ничуть не волнует, — ответил Шейми. — Он не особо верит в людские слухи. Говорит, все рассосется. Он хочет отплыть в конце лета, а то и раньше.

Эдди пристально посмотрела на Шейми:

— Слушай, а не староват ли ты становишься для мальчишеской жизни? Не пора ли остепениться? Найти себе хорошую женщину?

— Как, если вы их отпугиваете! — поддразнил ее Шейми и, присев на кровать, стал натягивать носки.

— Закончишь одеваться — спускайся вниз. Я приготовлю завтрак на всех. Яичницу с соусом харисса. Я основательно им запаслась. Не криви физиономию. Сначала попробуй. Это просто чудо! Расскажу вам с Альби и его ученым друзьям о своих странствиях. А потом мы отправимся в Лондон.

— В Лондон? Когда? Сразу после завтрака?

— Ну, может, не сразу, — согласилась Эдди. — Скажем, через день-другой. В моем городском доме остановился удивительный человек. Я хочу тебя с ним познакомить. Мистер Томас Лоуренс. Я уже начала тебе о нем рассказывать, когда твоя подружка едва не снесла входную дверь с петель. Я познакомилась с ним в Алеппо. Он тоже исследователь. И археолог вдобавок. Исходил и изъездил всю пустыню, знает всех важных арабских шишек и безупречно говорит по-арабски. — Эдди вдруг понизила голос. — Некоторые считают его шпионом. — Последнее слово Эдди произнесла шепотом, затем вернулась к своему обычному громогласному тону. — Кем бы он ни был, человек он просто удивительный.

Последние слова Эдди потонули в неожиданных раскатах грома. И тут же по многостворчатым окнам, в одном из которых было треснуто стекло, забарабанил дождь.

— Опять подтекает, — вздохнула Эдди. — Надо вызвать стекольщика. — Она ненадолго умолкла, глядя на потоки дождя. — Никогда не думала, что буду скучать по английской погоде, — с грустной улыбкой призналась Эдди. — Но это было до моего путешествия в Аравийскую пустыню. Как хорошо вернуться на родину! Я так люблю этот старый скрипучий дом. И старый скрипучий Кембридж. — Ее улыбка погасла. — Жаль, что обстоятельства моего возвращения не были иными.

— Эдди, он обязательно поправится, — сказал Шейми.

— Я очень на это надеюсь, — тяжело вздохнув, ответила Эдди. — Но я знаю свою сестру. Она не стала бы дергать меня по пустякам и просить о возвращении.

Шейми знал о телеграмме, отправленной миссис Олден, матерью Альби, своей сестре в Алеппо с просьбой вернуться в Англию. Отец Альби, адмирал Олден, стал жаловаться на боли в желудке. Врачи пока не установили причину, но состояние адмирала ухудшалось. Он слег и был вынужден постоянно принимать болеутоляющее.

— Он сделан из крепкого теста, — сказал Шейми. — Все Олдены такие.

Эдди кивнула, попытавшись улыбнуться:

— Ты, конечно же, прав. Как бы там ни было, довольно стенаний для одного утра. Я обещала приготовить завтрак. Потом вызову стекольщика, а еще — садовника и трубочиста. В мое отсутствие Альби запустил дом. Пыль повсюду. Моя почта гроздится чуть ли не до потолка. И на всей кухне — ни одной чистой тарелки. Ну почему он не позвал ту деревенскую девушку, которая убирала в доме?

— Альби говорит, что она ему мешает.

— Я этого не понимаю, — фыркнула Эдди. — Он же безвылазно торчит в кабинете. Два месяца назад, когда я уезжала, он сидел там. И сейчас сидит. Работает как проклятый, хотя у него творческий отпуск. И друзья у него такие же. Я с ними уже познакомилась. Одного зовут Дилли Нокс, второго — Оливер Стрейчи. Весь кабинет заставлен грифельными досками, завешан схемами и завален книгами. Что, спрашивается, они делают? Что заставляет их сутками просиживать там?

— Может, их работа?

— Вряд ли. Сплошные цифры и формулы, — отмахнулась Эдди. — Моему племяннику нужна жена. Причем даже больше, чем тебе. Он такой странный и рассеянный, что без жены просто не выживет. Ну почему за тобой женщины табуном ходят, а на беднягу Альби ни одна не посмотрит? Не мог бы ты часть своих поклонниц повернуть в его сторону? Ему так нужна заботливая женщина. И дети. Как бы я хотела снова услышать детские голоса и веселую возню. До сих пор вспоминаю удивительные годы, когда Альби с Уиллой были маленькими. Моя сестра привозила их сюда. Они плавали в пруду и качались на старом дереве. Вот на этом. — Эдди махнула в сторону широкого дуба, росшего за окном комнаты Шейми. — Уилла всегда стремилась забраться повыше. Мать умоляла ее спуститься, а она — ни в какую. Наоборот, залезала еще выше. — Эдди вдруг замолчала, повернулась и посмотрела на Шейми. — Черт, вырвалось как-то! Прости.

— Все в порядке, Эдди.

— Не говори так. Я же знаю... Она ведь тебе ни одного письма не написала. Скажешь, нет? Вот то-то. Она и родной матери месяцами не пишет. Последнее письмо сестра получила три месяца назад. А она все это время писала Уилле дважды в неделю. Пыталась рассказать об отце. Впрочем, почтовое сообщение с Тибетом — штука сложная.

— Я тоже так думаю. За все эти годы я не получил от нее ни одного письма, — сказал Шейми. — Ни одного. И знаю о ее дальнейшей жизни не больше вашего. Тогда, в Найроби, она была на волосок от смерти. Потом из Африки отправилась на Дальний Восток и сейчас находится в Гималаях, ищет способ закончить работу.

Эдди поморщилась:

— По-прежнему тоскуешь по ней? Потому-то и меняешь женщин как перчатки. Одну за другой. Ты все ищешь такую, кто сумеет занять место Уиллы. Но не находишь.

И не найду, подумал Шейми. Восемь лет назад он потерял Уиллу — любовь его жизни. Сколько он ни пытался, ни одна женщина даже близко не напоминала ее. Ни у кого из них не

было такой жажды жизни, как у Уиллы, ее стремления к приключениям. Никто из них не обладал такой смелостью и не имел такой дерзновенной, страстной души.

— Все это моя вина, — сказал Шейми. — Если бы не я, она сейчас не скрывалась бы в Гималаях, за тысячи миль от дома и семьи. Если бы на Килиманджаро я повел себя правильно, она была бы здесь.

Мысли о случившемся в Африке не покидали его никогда. Восемь лет назад они с Уиллой решили совершить восхождение на Мавензи, одну из вершин Килиманджаро. Оба страдали от горной болезни. Он более или менее адаптировался к высоте, а Уилла — нет. Шейми предлагал прервать восхождение и спуститься, но она отказалась. И тогда они продолжили подъем, достигли вершины и... упустили драгоценное время. Почему? Потому что именно там, на Мавензи, Шейми признался Уилле в любви, сказав слова, которые столько лет носил в себе. «И я тоже тебя люблю, — ответила Уилла. — И всегда любила. С незапамятных времен». Он до сих пор слышал эти слова. Каждый день. Они звучали у него в мозгу и в сердце.

Когда они начали спуск, солнце стояло в зените, нещадно растапливая снег и лед. Лед, сковывавший один из валунов, подтаял, и валун устремился вниз по кулуару. Шейми повезло: он находился в стороне. А Уиллу валун сбил с ног, и она понеслась вниз. Шейми никогда не забудет ее крики. Она вихрем пронеслась мимо него и только чудом сумела ухватиться за выступ скалы.

Добравшись до места, где лежала Уилла, Шейми увидел, что у нее сломана правая нога. Из-под разорванной кожи торчали неровные края кости. Шейми поспешил вниз, туда, где остались масайские проводники, чтобы с их помощью спустить Уиллу. Но в лагере его ожидала новая трагедия: почти все проводники были убиты враждебным племенем джагга. Остальные исчезли неведомо куда. Шейми не оставалось ничего иного, как нести Уиллу на себе, идя сквозь джунгли и по равнинам. Через несколько дней утомительного пути по горам, сквозь джунгли, а затем по равнине он вышел к железной дороге, соединявшей Момбасу с Найроби. Шейми удалось остановить приближающийся поезд и донести Уиллу до Найроби.

Там он сразу же понес ее к единственному в городе врачу. Увы, за столько дней пути рана Уиллы стала гангренозной. Врач сказал: единственный способ спасти Уилле жизнь — немедленная ампутация ноги чуть ниже колена. Уилла умоляла Шейми не позволять врачу ампутировать ногу. Она говорила, что уже не сможет подниматься в горы. Однако Шейми был глух к ее мольбам. Он поверил врачу и ради спасения ее жизни согласился на ампутацию. Уилла ему этого не простила. Едва окрепнув, она покинула больницу. И его.

В своем прощальном письме Уилла писала:

Каждое утро я просыпаюсь в отчаянии и с таким же ощущением засыпаю. И что мне теперь делать? Куда отправиться? Как жить? Мне сложно прожить ближайшие десять минут, не говоря уже об оставшейся жизни. В этой жизни уже не будет холмов, куда я смогу забраться, тем более не будет восхождений на горные вершины. Что еще ужаснее, в ней не будет мечтаний. Лучше бы я погибла на Килиманджаро, чем так жить.

— Шейми, перестань себя винить. Твоей вины в этом нет, — решительно сказала Эдди и крепко сжала его руку. — Ты совершил невозможное, вытащив ее с той горы. И в Найроби ты принял единственно возможное решение. Единственно правильное. Представь, ты бы поддался на ее уговоры. А затем представь, как стоял бы в гостиной моей сестры и объяснял бы, что позволил ее дочери умереть, уступив бредовым просьбам Уиллы. Я тебя понимаю, Шейми. Все мы.

— От этого мне не легче, — печально улынулся Шейми. — Все меня понимают, Эдди. Все, кроме Уиллы.

Глава 2

— Прошу прощения, мистер Бристоу, — сказала Гертруда Меллорс, просунув голову в дверь кабинета ее начальника, — на проводе мистер Черчилль. «Таймс» нужен ваш комментарий по поводу доклада министра труда о детском труде в Восточном Лондоне. Мистер Асквит приглашал вас на ужин в «Реформ-клуб». Ровно к восьми.

Джо Бристоу, депутат парламента от Хакни, оторвался от записей:

— Передайте Уинстону: если ему мало кораблей, пусть покупает на свои деньги. Жителям Восточного Лондона нужны водопровод и канализация, а не дредноуты. «Таймс» скажите, что лондонские дети должны проводить свои дни в школах, а не в цехах. Моральный долг парламента — принять по этому докладу быстрые и решительные меры. Премьер-министру передайте, пусть закажет для меня цесарку. Спасибо, Труды, до-рогуша.

Джо вновь повернулся к пожилому мужчине, сидевшему по другую сторону стола. Ни газеты, ни партийные дела, ни даже сам премьер-министр не были для него важнее нужд и забот его избирателей. Четырнадцать лет назад благодаря жителям Восточного Лондона он стал одним из немногих представителей лейбористской партии в парламенте. И в том, что все эти годы он оставался членом парламента, тоже была их заслуга.

— Прошу прощения, Гарри. На чем мы остановились?

— Я говорил о водоразборной колонке, — напомнил ему Гарри Койн, житель дома 31 по Лористон-стрит. — Где-то с месяц назад у воды появился странный привкус. Теперь вся улица поголовно болеет. Я тут говорил с одним парнем. Он работает в дубильной мастерской. Так вот: за мастерской по ночам опорожняют бочки с щелоком. Прямо в землю. Он сказал, что их управляющий не хочет платить за вывоз отходов. А в том месте под землей как раз проходят водопроводные трубы. Наверное, где-то они прохудились, вот отходы щелока и попадают в питьевую воду. Других причин нет.

— Вы обращались к санитарному врачу?

— Трижды. Только обещает и ничего не делает. Потому я и пришел к вам. Уж если кто и может помочь, так это вы, мистер Бристоу.

— Гарри, мне нужны имена, — сказал Джо. — Название мастерской. Имена и фамилии, начиная с управляющего. Парня, который там работает. Всех, кто заболел. Они согласятся говорить со мной?

— Насчет того парня не скажу, а остальные согласятся, — ответил Гарри. — Дайте мне вашу ручку.

Пока Гарри выписывал на листок имена и адреса, Джо налил две чашки чая. Одну пододвинул Гарри, вторую торопливо проглотил сам. Сегодня с восьми часов утра он принимал избирателей, забыв про ланч. А сейчас часы показывали половину пятого.

— Вот, прошу, — сказал Гарри, протягивая ему лист со списком имен.

— Спасибо. — Джо налил себе вторую чашку. — Завтра же начну стучаться во все двери. Нанесу визит санитарному врачу. Мы решим этот вопрос. Обещаю вам, Гарри. А теперь...

Он не договорил. Дверь кабинета снова распахнулась.

— Да, Труды. Что там еще?

Но на пороге стояла не Труды, а юная девушка. Высокая, черноволосая, синеглазая красавица. Она была в элегантном темно-сером плаще и такой же шляпе, а в руках, обтянутых перчатками, держала репортерский блокнот и самопишущую ручку.

— Папа! Маму снова арестовали! — выдохнула девушка.

— Черт побери! Снова?! — воскликнул Джо.

— Кейти Бристоу, я тебе сто раз повторяла: прежде чем войти, нужно стучаться! — упрекнула ее вошедшая следом Труды.

— Извините, мисс Меллорс, — пробормотала Кейти и снова повернулась к отцу. — Па, тебе нужно туда поехать. Утром ма отправилась на марш суфражисток. Он предполагался мирным, но начались беспорядки. Вмешалась полиция, маму арестовали, предъявили обвинение, и теперь она в тюрьме!

Джо вздохнул:

— Труды, будьте любезны, вызовите экипаж. Мистер Койн, познакомьтесь, это моя дочь Кэтрин. Или Кейти, как мы ее зовем. И ты, Кейти, познакомься: это мистер Койн, один из моих избирателей.

— Очень рада знакомству с вами, — сказала Кейти, протягивая руку мистеру Койну. — Па, собирайся! Мешкать нельзя! Гарри Койн встал.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Август 1913 года. Тибет	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Март 1914 года. Лондон	13
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Февраль 1918 года. Хиджаз, Аравия	283
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Декабрь 1918 года. Лондон	517
Эпилог. Сентябрь 1919 года. Кения	626
Библиография	632
Благодарности	638